

Май 1935 года Сент-Экзюпери провел в Москве, в качестве корреспондента газеты «Пари-Суар»: это была одна из первых его больших журналистских работ. К журналистике писатель обратился в связи с денежными затруднениями (гражданская авиация Франции переживает в первой половине 30-х сложный период реорганизации), но наблюдения журналиста быстро становятся для него важнейшим источником литературного творчества; это относится и к московским очеркам, один из которых, описывающий ночную поездку в поезде по пути в Россию, почти без изменений вошел затем в заключительную главу «Планеты людей».

Сент-Экзюпери прислал из Москвы пять репортажей, первый из них был опубликован 3 мая. Днем раньше, 2 мая 1935 года, Франция и Советский Союз подписали Договор о дружбе. Неудивительно, что общая тональность репортажей из Москвы для французской газеты должна была быть сочувственной. Однако пафос переустройства мира к лучшему, вынесенный на знамя советского строя, был сам по себе чрезвычайно близок Сент-Экзюпери. Обратная же сторона советской действительности в середине 30-х была непонятна практически никому из западных интеллектуалов, и первым полномасштабным свидетельством о ней стала год спустя книга Андре Жида. При всем том Сент-Экзюпери не отстраняется от несимпатичных ему черт жизни СССР — скажем, о всевозрастающем самовластьи Сталина он пишет в таких, например, тонах: «Это своеобразная власть. В один прекрасный день Сталин издал указ о том, что порядочный человек должен следить за своим внешним видом и что небритость — признак расхлябанности. Назавтра же мастера на заводах, заведующие отделами в магазинах, профессора в институтах не допускали к работе небритых. /.../ Я не видел на улицах Москвы ни одного милиционера, ни одного солдата, продавца напитков, просто прохожего, который был бы небрит. /.../ И вполне можно вообразить себе, как однажды Сталин из недр Кремля объявит, что уважающий себя пролетарий должен носить вечерний костюм. Россия в этот день будет ужинать в смокингах». (Перевод наш; при публикации этого очерка в СССР подобные пассажи, разумеется, пропускались.)

«Преступление и наказание...» впервые появилось по-русски в 1996 г. в переводе Е. и Т. Кушнер, имеющем мало общего с подлинником. Переводчик настоящего издания благодарит за консультации А. Карвовского и Н. Сабсович.

Д. Кузьмин

-
- [Антуан де Сент-Экзюпери](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Антуан де Сент-Экзюпери

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ПЕРЕД ЛИЦОМ СОВЕТСКОГО ПРАВОСУДИЯ

Перевод с французского Д. Кузьмина

Первое, что сказал судья, едва началась наша беседа в его кабинете, показалось мне и самой главной его мыслью:

«Не в том дело, чтобы наказывать, а в том, чтобы исправлять».

Говорил он так тихо, что я наклонился, чтобы расслышать, между тем его руки осторожно разминали невидимую глину. Глядя далеко поверх меня, он повторил:

«Надо исправлять».

Вот, подумал я, человек, не знающий гнева. Он не удостаивает себе подобных признанием того, что они действительно существуют. Люди для этого судьи хороший материал для лепки, и как не чувствует он гнева, так не чувствует и нежности. Можно прозревать в глине свое будущее творение и любить его большой любовью, но нежность рождается только из уважения к личности. Нежность свивает гнездо из мелочей — забавных черточек лица, пустяшных причуд. Теряя друга, оплакиваешь, быть может, это его несовершенство.

Этот судья не позволяет себе судить. Он как врач, которого ничто не поражает. Он лечит, если может, а если не может, то, служа всему обществу, расстреливает. Приговоренный заикается, на его губах страдальческая гримаса; у него ревматизм, и от этого он так смиренно близок нам, — но все это не вызовет милосердия судьи.

И я догадываюсь уже, что за великим неуважением к отдельному человеку здесь стоит великое уважение к человеку вообще, длящемуся из века в век поверх отдельных человеческих жизней и созидающему великое. А виновный, думаю я, здесь больше ничего не значит.

Я понимаю теперь, почему русское законодательство, так часто карающее смертью, не предусматривает заключения больше чем на десять лет и допускает всяческие снижения этого срока. Если отступник может вернуться в лоно общества, он вернется и раньше. Зачем же продлевать наказание, если наказанный уже стал другим человеком? Ведь и с арабским вождем, признавшим наши законы, мы обращаемся как с равным. Так что само понятие наказания здесь, в СССР, потеряло смысл.

У нас говорят, что осужденный расплачивается за свой долг. И каждый год искупления — выплата по некоему незримому счету. Долг может оказаться неоплатным — и тогда осужденному отказывают в праве снова стать человеком. И пятидесятилетний каторжник все еще платит за двадцатилетнего мальчика, которого гнев однажды толкнул на убийство.

Судья продолжает, будто размышляя вслух:

«Если надо вызвать страх, если преступления против общества множатся и речь уже идет об эпидемии, — мы караем более сильно. Когда армия разлагается, мы расстреливаем для примера. И тот, кто двумя неделями раньше получил бы три года исправительных работ, расстаётся с жизнью за мелкий грабеж. Но мы остановили эпидемию, мы спасли людей. Если что и кажется нам аморальным — то не эта жестокость в случаях, когда общество в опасности, а заключение заключенного в рамки одного-единственного слова. Разве убийца является убийцей по своей природе, на всю жизнь, как негр — на всю жизнь негр? Убийца — всего лишь истерзанный человек».

Руки судьи все лепят и лепят невидимую глину.

«Исправлять, исправлять, — говорит он. — Мы достигли на этом пути больших успехов».

Попробую встать на его точку зрения. Представляю себе гангстера или сутенера, их мир — со своими законами, своей моралью, своей жестокостью и самоотверженностью. Признаю: человеку, прошедшему такую школу, не стать деревенским пастухом. Он не сможет без приключений, без ночных засад. Без упражнения способностей, выработанных в нем его жизнью, — будь то решительность, смелость, быть может, талант жожака. Он будет чувствовать себя ущемленным, сколько ни тверди о преимуществах добродетели. Жизнь накладывает свой отпечаток. Проститутки тоже отмечены печатью своего ремесла и не слишком позволяют обратить себя в другую веру: они сжились с тоской изматывающего и горького ожидания, с ледяным и скорбным вкусом рассвета, с самым страхом своим, наконец, со свежим рогаликом — лучшим другом в пять утра, в час замирения с полицией и всем этим непокорным, враждебным городом, в час, когда распутывается хитросплетенье ночных угроз. Кто знает вкус беды? Те и другие стали собой на войне, а потому их не прельстит мир. Тем более — мир, основанный на совести. Но вот перед нами чудо. Этих воров, сутенеров, убийц вытаскивают из каторжной тюрьмы, словно из гигантского бака, и отправляют под охраной нескольких ружей рыть канал от Белого моря до Балтийского. Вот и снова приключение для них, да еще какое!

Им предстоит, пахарям-исполинам, провести борозду от моря до моря, глубокую, как овраг, под стать морским кораблям. Возвести соборы стройплощадок и встретить земляные пласты, оползающие с откосов выемки, лесом мощных брусьев, трещащих, точно солома, под напором сил Земли. С приходом ночи они возвращаются в бараки под прицелом карабинов. И густая усталость разливается мертвой тишиной над этим народом, разбившим лагерь на самом переднем крае своего пути, лицом к еще не тронутым землям. И мало-помалу людей захватывает эта игра. Они так и живут бригадами, управляют ими свои инженеры и мастера (ведь в тюрьме оказываются и они). Во главе встают те из них, кто лучше умеет предъявить свой дар жожака.

— Да, в том, что касается основ правосудия, я согласен с вами, господин судья. Но нескончаемая борьба, постоянный надзор, внутренний паспорт, порабощение человека коллективом, — вот что кажется нам недопустимым.

И, однако, я начинаю понимать и это. Они требуют, чтобы люди не только подчинялись законам созданного здесь общества, но и жили ими. Они требуют, чтобы люди объединялись в единый социальный организм не только по видимости, но и всем сердцем. И только тогда они ослабят дисциплину. Один мой приятель рассказал мне прекрасную историю, она немного прояснит, в чем тут дело.

Опоздав на поезд в каком-то далеком маленьком городке, он устроился ближе к вечеру в зале ожидания местного вокзала, между узлов с пожитками, среди которых попадались неожиданные предметы, вроде самоваров; он подумал, что это вещи отъезжающих. Но наступила ночь, и один за другим в зал стали возвращаться хозяева всего этого скарба. Они шли неспеша, умиротворенные обыденностью происходящего. В лавочках по дороге они купили все необходимое и теперь собирались варить овощи. Воцарился дух доверия, как в старом семейном пансионе. Кто-то пел, кто-то вытирал нос ребенку. Мой приятель спросил у начальника вокзала:

— Что они тут делают?

— Ждут, — ответил тот.

— Чего ждут?

— Разрешения ехать.

— Ехать куда?

— Просто ехать, сесть на поезд.

Начальник вокзала не был этим удивлен. Они просто хотели ехать. Неважно куда. Чтобы

исполнить свое предназначение. Чтобы открыть для себя новые звезды: эти, здешние, казались им траченными временем. Мой приятель сперва восхитился их терпением: два часа в этом зале ожидания представлялись ему уже невыносимыми, три дня свели бы его с ума. Но эти люди потихоньку пели и мирно склонялись над самоварами; и тогда он снова подошел к начальнику вокзала и спросил:

— А давно они ждут?

Начальник приподнял фуражку, почесал лоб и огласил плод своих подсчетов:

— Пожалуй, лет пять или шесть.

Потому что у многих русских — душа кочевника. Они не слишком привязаны к своему жилью, им не дает покоя древняя азиатская страсть к странствиям караваном, под светом звезд. Это племя вечно устремляется на поиски: Бога, правды, будущего... А дом — привязывает к земле, и от него освобождаются легко, как нигде.

Как постигнуть это равнодушие, приехав из Франции, где маленький домик на краю поля, потихоньку прядущий тонкую шерстяную ниточку дыма, обладает таким могущественным притяжением? Где судебный исполнитель, выселяя вас, вторгается в самую плоть, разрывая тысячи незримых уз? Во Франции невозможно вообразить жителей Севера, заполонивших вокзалы и опьяненных зовом Прованса: на Севере любят свой родной туман. А здесь...

Здесь любят огромный мир. Здесь живут, быть может, не столько в доме, сколько в мечте. Нужно приучить этих людей к земле. Нужно приучить их к земному. И власть борется с этими вечными странниками. С внутренним зовом тех, кто заметил звезду. Нужно не дать им пуститься в странствия — к северу, к югу, по воле незримых приливов и отливов. Нужно не дать им пуститься в странствия вновь, к какому-то новому общественному строю — ведь Революция уже свершилась. Не от звезд ли занимают пожары в этой стране?

И тогда строят дома, чтобы приманить кочевников. Не сдают жилье, а продают его. Вводят внутренний паспорт. А тех, кто поднимает глаза к небу с его опасными знаками, отправляют в Сибирь, где надо еще выжить зимой в 60 градусов мороза.

Так, может быть, создают нового человека — стойкого, влюбленного в свой завод и коллектив, как садовник во Франции влюблен в свой сад.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](http://BooksCafe.Net)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)